

**Партизанские социальные чистки на востоке России в 1919—1920 гг.:
роговщина и тряпицынщина**

В истории краснопартизанского движения периода Гражданской войны имеется важный и драматический аспект, на который пока ещё мало обращается исследовательского внимания. Речь идёт о широком и повсеместном партизанском терроре против представителей как белой власти, так и целых слоёв населения, считавшихся, с точки зрения партизан, вредными «буржуями» или, например, «инородцами». Имена партизанских вожаков-анархистов Г. Ф. Рогова и Я. И. Тряпицына, контролировавших в 1919—1920 гг. обширные территории Кузбасса и Сахалинской области, остались в истории примером не только крайнего грабительства и разбоя, но и применением широкого социального террора. Партизанский террор, опиравшийся на традицию крестьянских самосудов и изощрённые издевательства бывалых уголовников, обильно представленных в антиколчаковском повстанчестве, имел давнюю традицию и шёл вслед за садизмом пугачёвцев, вырезавших тысячами население захваченных уральских заводов вместе с женщинами и детьми [1], массово убивавших священников и сжигавших церкви [2]. Современный антрополог пишет, что когда в сообществе образуется дефицит культуры, высвобождаются те инстинкты первобытных людей (жестоких охотников-дикарей), которые обычно заглушены и скованы культурными нормами [3]. Возрождение архаичного противостояния «свой-чужой» то и дело приводило к жестокому уничтожению тех, кого партизаны (преимущественно маргинализированные крестьяне) считали вредными чужаками: богатых, священников, чиновников, интеллигентов.

Разумеется, далеко не все партизаны были кровожадными садистами, но в тех многочисленных отрядах, где вожаки держали вооружённую толпу с помощью права на грабежи и убийства, творились невероятные жестокости. При этом было не принципиально, кто руководит отрядом: большевик, эсер, анархист или просто дезертир без какой-либо внятной политической ориентации. Самые «обычные» партизаны очень легко расправлялись с теми, кого считали врагами, не останавливаясь перед одновременными казнями сразу десятков, а то и сотен пленных или заложников. Многие до сих пор неопубликованные документы и мемуары позволяют увидеть реальное наполнение партизанской борьбы, где было не так много идейности и гораздо больше — анархического разбоя, доходившего порой до повального террора и сознательных чисток населения целых городов.

Крайняя жестокость партизанских расправ характерна для всех регионов, особенно тех, которые были в наибольшей степени затронуты партизанщиной. Например, во время крупного Зиминского восстания на Алтае 6 августа 1919 г. в с. Большая Речка Ильинской волости

Барнаульского уезда были арестованы до 50 зажиточных крестьян и представителей местной интеллигенции, которых водили по селу «и на ходу били прикладами, палками, плетью, кололи штыками. Заставляли говорить: „я — враг народа“, „благодарю вас, товарищи“, и это продолжалось почти весь день, а затем всех увели на скотское кладбище и полуживых закопали» [4]. В сентябре 1919 г. в алтайском селе Пещерка партизанами Г. Ф. Рогова был пленён и вырезан полный состав дружины Святого Креста: «Под настойчивым требованием многотысячного митинга крестьян, [которые] требовали снять чалпан [голову — А.Т.], чалпаны были сняты, таковой была участь крестоносцев... в составе 250 человек...» [5].

Особенно жестоки были роговцы к населению захваченных городов, где расправы над «беляками» и «буржуями» приводили к массовым жертвам. Все призывы Рогова к соратникам неизменно содержали требования беспощадного террора ко всем «гадам» и «буржуям». Партизан-мордвин Нормайкин из села Пещерка, «потрясая револьвером, часто говорил: „Если мне человека каждый день не убить — я не могу терпеть“» [6]. Описывая посещение штаба Рогова, А.Н. Геласимова вспоминала: «Высокий белобрысый парень с большими дикими глазами подскочил ко мне и, выдернув из ножен окровавленную шашку, закричал: «А ты вот так можешь, чтобы шашка не просыхала от человеческой крови? Можешь?» [7]. Один из отрядников роговца М.З. Белокобыльского откровенно вспоминал о кровожадных намерениях партизан: «Прихода Красной армии жаждали. Но партизанам самим очень хотелось, так сказать, наложить лапу на город, т. е. произвести маленькую чистку беляков...» Рогов указывал: «Лучше перерубить, чем недорубить. Останется какой-нибудь гад — вредить будет» [8]. Участник отряда Белокобыльского вспоминал: «Наряду со всякими задачами у нас был уважаемый всеми лозунг: «Лучше перерубить, чем недорубить»» [9].

Самым известным преступлением Рогова является разгром Кузнецка (нынешний Новокузнецк) в декабре 1919 г. В начале 1920 г. член Сибревкома В.М. Косарев докладывал в ЦК РКП (б), что в Кузнецке погибло до 400 чел. [10] Скорее всего, цифра в 800 убитых, приведённая в одной из более поздних сводок Томской губЧК, ближе к истине [11]. Оценивая масштаб человеческих потерь в Кузнецке, следует учитывать и прозвучавшую по свежим следам на губсъезде представителей ревкомов и парткомов информацию председателя Кузнецкого ревкома: «было вырезано до 1400 человек, главным образом, буржуазии и служащих» [12].

После ухода из Кузнецка и жестокого разгрома Кольчугино и Гурьевска, 21 декабря 1919 г. роговцы вместе с отрядами Томской дивизии В.П. Шевелёва-Лубкова взяли Щегловск (Кемерово) и в контролируемой ими центральной части города устроили трёхдневные погромы и резню: «...Ворвавшись в город, роговцы начали «чистку» города от буржуазии и колчаковской администрации. Заняв центр, они... перебили много людей. Пострадали женщины, дети

и старики» [13]. О числе жертв достоверной информации нет; опубликованы сведения, взятые из мемуаров, о гибели десятков либо нескольких сотен горожан [14]. О жестоком погроме Щегловска определённо пишет современный историк, однако в новейшей краеведческой литературе даётся неопределённая оценка: «Но пока мы не можем утверждать о массовых бессудных расправах, учинённых партизанами в Щегловске» [15]. Возможно, учитывая сведения А.Н. Геласимовой о разоружении в городе целых воинских эшелонов и массовой ловле приезжавших в Щегловск «буржуев» и беженцев, из-за чего «пленными до отказа забили свободные дома, амбары, магазины, сараи», и её признание, что в Щегловске было «уничтожено много колчаковцев, захвачены богатые трофеи» [16], главную массу жертв составили не горожане, а взятые в плен, в том числе гражданские лица — беженцы.

В материалах судебного следствия по делу Г. Ф. Рогова и его соратника И.П. Новосёлова имеется авторитетное разъяснение известного партизанского командира П.Ф. Федорца относительно того, что было неправильным в карательной политике роговцев: «Террор красный [в деятельности партизан] господствовал, и тут сказалась степень организованности. Где организация была, там всякого человека убивали только по установленной судом его контр-революционности, и самая «смарка» производилась так, что не развивались зверские инстинкты. Где не было организации, там иногда, хотя очень редко, попадали и невинные люди, и «смарка» происходила тогда в недопустимой обстановке. Это наблюдалось в отряде т. Рогова» [17].

На допросах Рогов старался всё отрицать: «Во время моего прибытия в г. Кузнецке никакой резни не происходило, кроме чистки города от указанных местными организациями и жителями личностей. <...> Казни производились по усмотрению В[оенно-]Р[ев.]олюцион[ного] к[омитета] или согласно приговорам сельских комиссий». Новосёлов был откровенней: «При моих глазах совершено убийств бесчисленное множество... я работал целый год и в течение этого времени не могу запомнить сколько мною уничтожено. ...Я приказывал и жертву уводили и изрубали. <...> Я признаю себя виновным в том, что в гор. Кузнецке совершено убийств при моём участии 40–60 жертв и я считал их жертвами революции» [18].

Дело роговцев в особом отделе было вскоре прекращено, ибо вполне доказанные погромы были расценены чекистами и военными как закономерный красный террор, пережёлтые которого не могли затмить «неоценимых услуг» партизан. В феврале 1920 г. роговцев освободили. Безданно для них прошёл и эпизод с казнью около 500 сдавшихся защитников Тогольской церкви на Алтае, когда отряд Белокобыльского в начале декабря 1919 г. сжёг живьём несколько десятков пленников, а остальных зарубил: «...В эту ночь во дворе, где помещался штаб отряда зарубили 200 чел. и на другой день остальных 250–260 чел. Целые горы трупов, что бы не повлияло морально, [увезли, когда] в 4

часа ночи второго вечера... было представлено 50 подвод для увозки трупов на скотское кладбище...» [19]

Но безусловное первенство в жестокости среди всех партизан держит Я.И. Тряпицын, спаливший дотла в мае 1920 г. большой дальневосточный город Николаевск-на-Амуре и вырезавший не только огромную часть жителей областного центра и всей Сахалинской области, но и японскую колонию, что дало Японии повод для крупного вооружённого вмешательства в российские дела. Роговщина и, особенно, тряпицынщина — примеры крупного, идеологически обоснованного вожаками классового (и, частично, этнического) террора. Как пронизательно написал первый и самый компетентный исследователь тряпицынщины, пресловутая Николаевская коммуна «по дикому избиению тысяч ни в чём не повинных людей, включая грудных детей, по утончённейшим пыткам большевистских палачей, представляет собой апофеоз советского режима» [20].

В тряпицынском терроре был расистский оттенок: русские партизаны особенно охотно убивали евреев, китайские и корейские — японцев [21]. Позднее в «чистке» выявилась другая чудовищная сторона — преимущественное истребление детей и женщин, как перед бегством из Николаевска, так и после. В этих небывалых жестокостях была идеологическая основа — дети «буржуев» считались тоже «буржуями», только маленькими. На вопрос: «Говорили ли Вы, что в городе нужно уничтожить шестилетних детей[,] так как молока в городе мало?», председатель Сахалинского облисполкома Ф.В. Железин ответил, что «действительно высказался, что буржуазные дети свыше 12–13 лет уже неисправимо вредны» [22].

По оценке суда над Тряпицыным, на льду Амура после подавления японского выступления в марте 1920 г. валялось полторы тысячи трупов — японских и русских [23]. Узнав о приближении императорских войск, готовых отомстить за гибель японской колонии, Тряпицын решил доведённым до предельных границ красным террором продемонстрировать свою революционную последовательность. Для Тряпицына враждебный богатый город с большой иностранной колонией стал безответным полигоном для насаждения нового строя, физически избавленного партизанами от присутствия как собственно «белых гадов», так и их семей. Анархист Тряпицын и эсерка Лебедева, попутно арестовав и уничтожив «своих» коммунистов по подозрению в заговоре, проводили — причём в крайнем варианте — политику военного коммунизма. Ближайшее окружение Тряпицына составляли лица с уголовным прошлым — Биценко, Будрин, Лапта, Оцевилли-Павлуцкий, Сасов. Характерно, что вожди коммуны были официально признаны Москвой как советские правители Сахалинской области.

Если у Рогова получались «только» стремительные захваты городов и сёл Кузбасса с погромами, резнёй и грабежами, то Тряпицын основал террористическое государство-коммуну, которое затем под натиском японских войск сам же и уничтожил. Банда Тряпицына пошла по пути

социальной чистки предельно далеко, постановив предпринять полное уничтожение даже семей тех, кто был «буржуем», евреем или просто «не своим». То, что случилось в Николаевске-на-Амуре весной 1920 г., намного превзошло стихийный террор роговщины в Кузбассе. Глубокая чистка была запланирована, тщательно подготовлена и проведена без малейших колебаний. По составленным спискам подлежало уничтожению около трёх с половиной тысяч человек из числа как социально чуждых, так и замеченных в какой-либо нелояльности «своих». Почти месяц, приблизительно до мая, внесённые в списки систематически убивались небольшими партиями в заранее установленном порядке. Казни производились специально выделенными отрядами из преданных Тряпицыну русских партизан, корейцев и китайцев. Каждую ночь они отправлялись в тюрьму и по списку убивали определённое количество жертв [24].

Тряпицын и Лебедева, крича на заседаниях созданного облисполкомом 13 мая полномочного военно-революционного штаба: «Террор! Террор без жалости!», подписывали весьма красноречивые документы. Например: «Мандат Пахомову. Срочно предписывается вам составить список лиц, подлежащих уничтожению. Революционная совесть ваша». Или приказ от 24 мая командиру 1-го полка: «Военно-революционный штаб предписывает вам привести в исполнение смертный приговор над арестованными японцами, находящимися в лазарете, а также над осуждёнными лицами, находящимися в тюрьме» [25]. Тряпицынцы «сотнями убивали женщин и детей (последних насчитывалось более 600)» [26]. 1 июня 1920 г. партизаны, гружёные награбленным добром, включая полтонны золота и множество конфискованных драгоценностей, покинули пепелище Николаевска. Они бежали вверх по р. Амгунь к приисковому пос. Керби, поджигая на пути селения, прииски и драги, убивая всех подряд [27]. Жуткие сцены разыгрывались во время многодневного пешего перехода по тайге тысяч насильственно эвакуированных горожан, когда партизаны «ехали верхом на людях», а ослабевших женщин и детей тут же приканчивали [28]. По Амгуни плыло множество трупов: «Плыли женщины, дети и редко мужчины — с обрезанными ушами, носами, отрубленными пальцами, с резаными, колотыми штыковыми ранами. Хоронить их было запрещено» [29].

Сами партизанские власти признавали уничтожение половины населения области: об этом заявляла и их пресса, и суд, и председатель Сахалинского нарревкома Г. З. Прокопенко, писавший в конце 1920 г. правительству ДВР, что «пол области разрушено и половина населения выбита спущена под лёд». По сведениям Прокопенко, в конце 1920 г. численность русского населения области составляла всего 17 тыс., инородческого — 1 200 чел. [30] Отвечая на вопросы суда, Тряпицын уверял, что были ликвидированы враги революции, а за эксцессы отвечали исключительно подчинённые. Те, в свою очередь, поясняли, как проходил террор:

— Почему производились массовые расстрелы при эвакуации города?

— ТРЯПИЦЫН отдал распоряжение воинским частям уничтожать всю николаевскую буржуазию. <...>

— Как производилось очищение тюрьмы при эвакуации города?

— ЖЕЛЕЗИН держал бумагу и по списку спрашивал: "Кто его знает". ОЦЕВИЛЛИ или другой отвечал: "Я знаю это гад" и ЖЕЛЕЗИН ставил крест. <...>«

— Об какую жертву Вы сломали свой кинжал?

— При убиении одного жандарма» [31].

Тряпицын является одним из идеологов и практиков массовых чисток гражданского населения, включая сознательное уничтожение детей. Его сепаратизм, терроризм и ультраревolutionный авантюризм привели к ликвидации тряпицынской диктатуры руками партизан по инициативе большевиков и их спецслужбы. Если после стремительных роговских погромов Кузнецка, Кольчугино, Щегловска, Гурьевска и других населённых пунктов Кузбасса на арену сразу выступили военно-политические власти, ненадолго изолировавшие Рогова, чтобы вскоре его освободить как популярного в массах вожака, то для ликвидации Тряпицына, добраться до которого было очень сложно, потребовалась специальная операция чекистов, замаскированная под инициативу «здоровых партизанских сил». Анархист Тряпицын был сторонником военного коммунизма, анархист Рогов — вооружённым противником этой политики. Общее у них — террор против всех «социально чуждых» на сходной идейно-криминальной основе.

Масштабные социальные чистки со стороны партизан видны и в других регионах. В конце 1920 г. отряды партизан из руководимой А.В. Мокроусовым Крымской повстанческой армии в г. Карасу-Базаре в ноябре 1920 г. арестовали до ста «вредных Советской власти элементов», большинство которых тут же расстреляли. А в Феодосии «за одну ночь было расстреляно 600–700 человек». Всего в ноябре 1920 г. крымские партизаны самочинно расстреляли не менее 3 000 чел. [32].

Красная партизанщина принесла очень крупные демографические потери, истинный размер которых ещё предстоит уточнить исследователям. По всей России это, несомненно, десятки тысяч жертв. Партизанский террор логично переходил в организованный красный террор, который проводили уже органы большевистской власти. На территориях Сибири и Дальнего Востока части внутренних войск, органы милиции и ВЧК формировались преимущественно из бывших партизан, что превращало их в исключительно кровожадные и полностью криминализованные структуры. Партизанщина в правоохранительных структурах приводила к повальному красному бандитизму, который власти долго терпели и достаточно аккуратно

утихомиривали, ожидая, когда бессудные расправы над «белыми гадами» завершат грязную работу по социальной чистке побеждённого населения. Таким образом, после завершения Гражданской войны красный террор на контролировавшихся коммунистами территориях осуществлялся как в относительно упорядоченных формах (аресты и уничтожение органами ВЧК и трибуналами), так и с помощью многочисленных красных бандитов в низовых властных структурах из числа бывших партизан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кашинцев Д. Горнозаводская промышленность Урала и крестьянская война 1773–1774 годов // Историк-марксист. 1936. № 1. С. 142–163.
2. Пушкин А.С. История Пугачёва // Полное собрание сочинений в 10-ти томах. — Л.: Наука, 1978. Т. VIII. Гл. 7, 8.
3. Клейн Л.С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. — СПб., 2010. С. 395.
4. Алтайский вестник. 1919. № 163. 7 сент. С. 3.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1162. Л. 31; Д. 1166. Л. 61–62.
6. ГАО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1166. Л. 59.
7. Геласимова А.Н. Записки подпольщицы. — М., 1967. С. 239.
8. ГАО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1168. Л. 7–8; Смирнов Д.Я. М.И. Ворожцов (Анатолий). — Барнаул, 1958. С. 57.
9. ГАО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1168. Л. 7–8.
10. Сибирская Вандея. Документы. В 2-х тт. / Сост. В.И. Шишкин. Том 1 (1919–1920). — М., 2000. С. 65.
11. Сибирская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 1. 1918–1922. Документы и материалы. — М., 1998. С. 257. Та же цифра убитых в Кузнецке приводилась в 1925 г. местным райкомом ВКП (б): «...Убито было до 800 человек за дело и без дела...» // Бедин В., Кушникова М., Тогулев В. Кемерово и Сталинск: Панорама провинциального быта в архивных хрониках 1920–1930-х гг. — Кемерово, 1999.
12. Партизанское и повстанческое движение в Причумышье 1918–1922 гг. Документы и материалы / Под ред. Г. Н. Безрукова. — Барнаул, 1999. С. 125.
13. Геласимова А.Н. Записки подпольщицы... С. 251.
14. Усков И.Ю. Рождение города. — Кемерово, 2011. С. 178; Лопатин А.А. Была ли сожжена церковь в Щегловске? (мифы и действительность) // Балибаловские чтения. Материалы научно-практической конференции. — Кемерово, 2008. Вып. 5; Балмасов С.С. Красный террор на востоке России в 1918—1922 гг. — М., 2006. С. 260.
15. Звягин С.П. Кузбасс в годы Гражданской войны. — Омск, 2007. С. 58; Усков И.Ю. Рождение города □ С. 177.

16. Геласимова А.Н. Записки подпольщицы... С. 250.
17. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-236. Оп. 4. Д. 322. Л. 64–66.
18. Там же. Л. 24 об.
19. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1586. Л. 6–7.
20. Гутман А.Я. (Анатолий Ган) Гибель Николаевска на Амуре. Страницы из истории войны на Дальнем Востоке. — Берлин, 1924. С. 9.
21. Террор партизан А.В. Мокроусова в Крыму в 1920 г. также имел шовинистическую окраску, выливаясь в массовые убийства немецких колонистов и зажиточной части крымско-татарского населения.
22. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 23. Л. 3 об.
23. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. — Новосибирск, 1996. С. 101.
24. Гутман А.Я. Гибель Николаевска на Амуре □ С. 103–104.
25. Смоляк В.Г. Междоусобица. По следам нижнеамурской трагедии. — Хабаровск, 2009. С. 74–76.
26. Мельгунов С.П. Ещё одна жуткая страница // Современные записки. 1924. Кн. XXI. С. 381.
27. Смоляк В.Г. Междоусобица... С. 76; Колесникова Н. Дуновение жизни // Словесница искусств (Хабаровск). 2008. № 21–22. С. 27.
28. Фефилов П.Л. Что мы знаем о Якове Тряпицыне и тряпицынщине // Хлебниковские чтения. Гражданская война на Дальнем Востоке. Образ Тряпицына в романе Г. Н. Хлебникова «Амурская трагедия». Вып. 1. — Комсомольск-на-Амуре. 2010. С. 84.
29. Колесникова Н. Дуновение жизни □ С. 28.
30. ГА РФ. Ф. Р-4284. Оп. 1. Д. 1. Л. 121 об., 130.
31. Жуковский-Жук И.И. Н. Лебедева и Я. Тряпицын. Партизанское движение в низовьях Амуре. — Чита, 1922. С. 88; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 23. Л. 2–3.
32. Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. — М., 2011. С. 909.

Опубликовано: *Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Материалы VIII Международной научной конференции.* — Краснодар: Экоинвест, 2013. Т. 1. С. 134–142.

<http://rusk.ru/st.php?idar=67387>